

Линь Шо казалось, что человеческое сердце порой просто каменеет.

Проведя целую ночь в изматывающих метаниях между раем и адом, он, к собственному удивлению, не чувствовал себя раздавленным. Раньше он и мечтать не смел о том, чтобы перемолвиться с матерью хотя бы словом, а сегодня они вместе готовили ночной перекус. Казалось бы, этому нужно радоваться.

Он давно усвоил: в мире есть вещи, которые не исправишь никаким упорством. И он научился это принимать.

Сон не шел. Линь Шо замер у панорамного окна, глядя на россыпь звезд. Когда-то он обожал крышу кинотеатра — лежа там, он словно обнимал весь небосвод. Но чем старше становишься, тем яснее понимаешь: наивные фантазии юности неосуществимы. У каждого своя семья, свое будущее. И, как выразился Сян Сяобао, Линь Шо в их жизнях был лишь досадной ошибкой, которую они наконец-то исправили. А значит, ему больше не стоит попадаться им на глаза.

Будь он благоразумнее, он бы так и сделал: забился бы в какой-нибудь глухой угол мира и прожил остаток дней тихой тенью, как и последние двадцать лет. Чтобы никто и никогда его не нашел.

Но он жил не как «ошибка». Он жил как Линь Шо.

Он исходил этот город вдоль и поперек. Он видел тысячи разных судеб. Лицезрел чужое счастье и чужую боль. Жизнь вообще редко обходится без страданий и несправедливости — они есть у каждого. Линь Шо не был ни первым, ни последним в этом списке. И он вовсе не собирался, потакая чужим желаниям, бесследно исчезать, чтобы беззвучно доживать свой век.

Даже самому обычному человеку свойственно чего-то хотеть. Иметь право на собственный путь.

Линь Шо нащупал в кармане пачку сигарет. Обычно он не притрагивался к табаку и алкоголю, если того не требовали приличия на банкетах, и не хотел попадать в зависимость от подобных вещей. Но при мысли о том, что утром снова придется столкнуться с Сян Сяобао, голова начинала ныть. Линь Шо не то чтобы не мог с ним совладать — просто при открытом конфликте матери неизбежно станет не по себе. А этого он хотел меньше всего.

Он вытянул сигарету, щелкнул зажигалкой и медленно затянулся. Непривыкший к отраве организм мгновенно взбунтовался: Линь Шо зашелся в кашле, и у него брызнули слезы. Он согнулся, присел на корточки и, закрыв лицо руками, беззвучно заплакал.

Все-таки нельзя полагаться на суррогаты, пытаясь унять боль. Некоторые вещи в жизни приходится просто покорно принимать. На что-то у него нет и не будет прав, поэтому остается лишь одно — из последних сил строить собственное будущее. Не думать о том, о чем думать не положено.

Выплеснув горечь, Линь Шо умылся горячей водой, тщательно прогревая веки. Убедившись, что в зеркале не осталось и следа недавней слабости, он вышел из комнаты. Дойдя до конца коридора, он посмотрел на темную, пустую дорогу за окном и набрал номер Шэнь Южуна.

— Приезжай, выпьем. Заодно прогуляемся в горы, встретим рассвет. Пиво с тебя.

Южун еще не ложился. Услышав голос друга, он вздрогнул, уточнил адрес и пулей вылетел из дома. Линь Шо редко звонил так поздно и еще реже о чем-то просил. Чувствуя неладное, Шэнь Южун схватил ключи и помчался к машине.

Слушая в трубке торопливый звон ключей, Линь Шо неподвижно созерцал ночное небо. Он уже собирался спуститься вниз, чтобы подождать друга снаружи, как вдруг уловил едва слышные шаги.

Линь Шо удивленно обернулся. Увидев гостью, он мягко улыбнулся:

— Уже так поздно. Почему вы не спите, госпожа Сян?

— Сама не знаю, — ответила та, подходя ближе. Она кротко улыбнулась. — Линь Шо, вы ведь ровесник А-Яня?

— Верно. Гендиректор Хэ старше меня всего на несколько дней.

— А-Янь, должно быть, доставляет вам немало хлопот? — вздохнула она. — Он и Сяобао с самого детства были несносными. У обоих шило в одном месте, а здоровье у меня слабое, сладу с ними нет. Вы только не принимайте близко к сердцу то, что наговорил Сяобао...

— Все в порядке, он ведь еще совсем ребенок, — Линь Шо внимательно посмотрел на нее. — А что с вашим здоровьем? Что-то серьезное?

— Сплю плохо, — она невольно встретилась с ним взглядом и на миг замерла. — Удивительно... Поговорила с вами, и на душе стало спокойнее. Обычно в это время сна ни в одном глазу — все кажется, будто стоит закрыть глаза, и случится что-то непоправимое...

Линь Шо едва заметно вздрогнул, но тут же улыбнулся, перебивая ее:

— Если снова не сможете уснуть, просто позвоните мне. Поболтаем.

Мать Сян пришла в себя и смущенно улыбнулась:

— Сама не понимаю, с чего вдруг разоткровенничалась с вами.

Линь Шо видел эту извиняющуюся улыбку, и в носу у него предательски защипало.

— Раз уж вас наконец клонит в сон, идите отдыхать. Добрых вам снов.

Она еще раз окинула его взглядом. Почему-то Линь Шо казался ей смутно знакомым, хотя днем такого чувства не возникало. Но усталость и впрямь брала свое. Кивнув, она направилась к себе.

Линь Шо долго смотрел ей вслед. Затем он спустился в холл и вышел из виллы. Охранник на воротах дремал. Линь Шо коротко разбежался и ловко перемахнул через ограду. Когда он приземлился на дорожку, там уже стоял Шэнь Южун с ящиком пива.

Линь Шо поправил воротник и улыбнулся, прищурившись:

— Ну как? Мастерство не пропьешь, прыгаю все так же лихо?

— Только у богачей хватает дури строить дома в такой глуши, — проворчал Южун.

— Идем, — позвал Линь Шо. — Полезем на вершину, встретим солнце.

Шэнь Южун фыркнул и всучил ящик пива Линь Шо. Линь Шо не стал спорить, и они зашагали по темной дороге вверх. В придорожной траве стрекотали цикады.

— Типичное начало триллера, — нарушил тишину Линь Шо. — Двое безумцев тащатся на гору посреди ночи, чтобы к утру превратиться в остывшие трупы.

— Глядишь, нас еще и обесчестят перед смертью, — подхватил Шэнь Южун.

Линь Шо коротко рассмеялся.

Они шли не торопясь, перебрасываясь фразами, и добрались до вершины лишь к середине ночи.

— Завтра сестра Лю увидит твои синяки под глазами и прибьет меня, — заметил Линь Шо.

Южун замер, глядя на друга в упор:

— Ты уже второй раз за ночь говоришь о смерти.

Линь Шо встретил его взгляд. Заметив нескрываемую тревогу Южуна, он мягко произнес:

— Не бойся. Я никогда не выберу этот путь. Презираю трусов, которые так поступают. — Он с тихим пшиком открыл банку пива. — Просто на душе паршиво. Захотелось посмотреть, как ты за меня переживаешь.

Шэнь Южун, которого вывела из себя эта странная манера друга «поднимать настроение», только зло усмехнулся. Он приземлился рядом и тоже взялся за пиво.

— А потолстеть не боишься? — подначил Линь Шо.

— Я уговорил сестру Лю взять мне роль, для которой нужно набрать десять кило. Так что теперь могу жрать за двоих.

Линь Шо приободрился и чокнулся с ним банками.

— И все же, — не выдержал Южун. — Почему тебе паршиво?

Линь Шо сжал пустую жестянку в кулаке. Молчание затянулось.

— Я видел мать, — наконец произнес Линь Шо. — У нее все хорошо. Новая семья, сын — всего на пару лет младше меня. Ее любят, о ней заботятся.

Южун сжал кулаки. Ему ли не знать, каково это. У матери другая жизнь, другой ребенок — плод новой «настоящей» любви, а ты лишь постыдное напоминание о прошлом браке. Ошибка. И раз ты ошибка, то мать никогда не примет твою сторону, сколько бы мерзостей ни творил отчим.

Он посмотрел на Линь Шо. Тот выглядел пугающе спокойным. Будто рассказывал не о своей боли, а пересказывал сюжет посредственного фильма.

К черту это спокойствие!

— Что произошло? — глухо спросил Южун.

— Да ничего особенного. Кое-кто решил поиграть у меня на нервах и специально привез ее сюда. Знаешь, раньше я злился. Хотел добиться успеха, встать перед ними и посмотреть, как они умоются от удивления.

— И что, теперь не хочешь?!

— Теперь я просто хочу прожить свою жизнь достойно. Но они в этой жизни больше не значат ничего.

Линь Шо повернулся к горизонту:

— А-Жун, я говорил с ней. Она не может спать по ночам. Чувствует вину. После того, как с отцом случилось несчастье, она грызла себя за то, что уснула и не успела его остановить. Она забыла все, но эта вина осталась в подсознании. Если она все вспомнит... она просто не вынесет этой муки.

Шэнь Южун не нашел слов для возражения. Фан Цзинфэй не была виновата в своей амнезии. Она просто не смогла принять смерть мужа. Просто любила покойного Линь Ицина больше, чем маленького сына. Если и винить кого-то, то лишь Ицина, выбравшего шаг с крыши.

Но в чем виноват Линь Шо?

Южун прослезился. Только из-за того, что его отцом был Линь Ицин, он должен расплачиваться вечным одиночеством? Неужели его существование — действительно ошибка?

Ему хотелось схватить Линь Шо за руку и увести его отсюда как можно дальше. Но он знал: он не уйдет. Здесь Линь Хоугэнь. Здесь его корни.

— Господи, какая же несправедливость... — выдавил Южун, сглатывая комок в горле.

Линь Шо открыл вторую банку, наблюдая, как бледнеет диск луны.

— Скоро рассвет.

Шэнь Южун поспешно вытер слезы. Линь Шо не любил плакать и не нуждался в чужой жалости. Да и сам Южун ненавидел слабость — ведь слезы льют лишь тогда, когда ничего не могут изменить.

Они сидели плечом к плечу, вглядываясь в очертания гор. Там, за хребтами, в небо капля за каплей начало просачиваться оранжево-алое сияние, быстро окрашивая горизонт. Город внизу еще кутался в чернильную тьму, но здесь уже занималась заря.

Рассвет достается лишь тем, у кого хватает сил переждать темноту.

Южун хотел было что-то сказать, но за спиной раздался голоса:

— Кузен, давай быстрее! Солнце уже встает, а ты тащишься как черепаха! О... надо же, тут кто-то есть?

Линь Шо обернулся. На вершину один за другим поднялись Сян Сяобао и Хэ Янь.

Сяобао, верный своему ампуа, тут же ехидно ухмыльнулся:

— Ого, да это же Линь Шо! И что это вы тут делаете в такую рань? Никак устроили ночной перепихон на свежем воздухе?

<http://bllate.org/book/17574/1714096>